

Моделирование геополитических процессов в мировых регионах в условиях глокализации и его структурные уровни

Не секрет, что сегодня геополитические процессы разворачиваются в новом и вполне определенном контексте, имя которому «глокализация». Этим понятием характеризуется своеобразное «эхо» глобализации, или «отраженная» глобализация. Поскольку последняя как процесс, по сути, уперлась в границы Ойкумены и ей больше некуда развиваться в пространственном отношении, то она теперь в большей мере начинает проецироваться на внутренние среды (национальные и/или региональные, иногда даже локальные). В.А. Авксентьев и А.В. Дмитриев замечают по этому поводу: «Понятие "глокальность" вошло в научный оборот для обозначения всего комплекса взаимодействия факторов и событий различного уровня, которые в реальности переплетены и проявляются, казалось бы, в частных случаях» [1]. Им вторит известный российский политолог А.С. Макарычев, подчеркивающий тот факт, что процессы глокализации «усиливают важность концепций, которые объединяют различные факторы пространственной динамики. Локальные пространства все чаще анализируются в контексте глобальных тенденций» [2].

Это значит, что в условиях плотной взаимозависимости стран и народов глобальные факторы непосредственно отражаются на любой «площадке» таксоном ниже глобального, особенно на тех из них, где у акторов, действующих на глобальном уровне, есть прямые интересы. Возможно, именно этим обстоятельством и объясняется интенсивное формирование в условиях постбиполярного мира особых геополитических и/или геоэкономических регионов. Некоторые авторы связывают назревшую перестановку акцентов в «науке о геополитическом» (геополитологии) с необходимостью вообще выделения в ней новых структурных блоков. Э.Г. Соловьев, например, предлагает называть этот уровень изучения геополитических явлений и процессов построением теорий «среднего уровня» (по аналогии с такого же рода теориями, которые некогда выделялись в советской социологии) [см.: 3].

Отрадно, что с этими соображениями солидарны другие исследователи, причем некоторые из них мыслили в вышеуказанном русле уже достаточно давно. Так, в одной из своих работ конца 1990-х гг. известный политгеограф Р.Ф. Туровский отмечал, что для современной геополитологии характерно постоянное повышение внимания к «малым»

территориям. Увлечение глобализмом, одно время даже принявшее характер интеллектуально-политической моды, оказалось преходящим, подчеркивал он. Прежние модели мира были слишком схематичными, а уровень обобщения – чрезмерным. Поэтому великому Х. Маккиндеру, скажем, удалось представить наш многоцветный и разнообразный мир в виде лишь трех геополитических зон. Работы же чуть менее известного (но тоже классика науки) американца С. Коэна приблизили геополитическую науку к действительности, поскольку показали дробность мирового пространства и стали учитывать более мелкие единицы и даже самые маленькие государства как субъекты мирового политического процесса.

Но то были робкие попытки преодолеть излишний универсализм и абстрактность нарождавшейся геополитической науки. Позднее новым направлением изысканий в области геополитологии стали *макрорегиональные* (или просто *региональные*) исследования, которые фокусировались не на глобальной системе, а на устойчивых блоках и группировках государств, формирующихся в различных частях земного шара. И если говорить о том, *что* конкретно стимулировало развитие этих исследований, то это не в последнюю очередь процессы межгосударственной интеграции [см.: 4]. И это действительно так. Однако в последнее время на разворот геополитологии к изучению региональной проблематики стали заметно влиять резко усилившиеся кризисные явления и тугие «узлы противоречий», все чаще возникающие в мировой системе, а также наметившаяся практика «управляемых» кризисов и конфликтов, затрагивающая и внутригосударственный уровень.

Вот в каком ключе следует сегодня рассматривать и проблематику геополитических регионов. Тот же Э.Г. Соловьев рассматривает регион как *оптимальную* единицу пространственно-территориального анализа, демонстрирующую при этом динамический момент в такого рода анализе (трансграничный характер, изменчивость пространственных контуров, смена доминантных региональных держав, культурные, этнические и демографические трансформации – вплоть до полного исчезновения тех или иных геополитических регионов, как это произошло с таким феноменом начала и середины XX в., как *Mitteleuropa*) [см.: 5].

В этой связи возникает нериторический вопрос: как можно (и нужно) изучать геополитические явления и процессы, происходящие на уровне отдельно взятого мирового региона или субрегиона? Более того, как это делать в условиях усиливающейся глокализации? В первом приближении

ответ на эти вопросы мог бы звучать так: надо просто применить к интересующим нас явлениям и процессам адекватные их природе методы/методики. И если надо, то следует обязательно взять на вооружение *нетрадиционные методы/методики*, какими бы непривычными они ни казались тем исследователям, которые предпочитают мыслить в привычном режиме, «по старинке», инерционно. Заметим, однако: то, что для одних научных дисциплин может считаться вполне традиционным инструментарием исследовательской работы, для других – таких, например, как интересующая нас геополитология, все еще далекая от состояния подлинной научности, – невозделанной целиной, «полем» новых возможностей. И это надо хорошо понимать. Такова, с нашей точки зрения, ситуация с широко известным в научной среде (особенно у естественников и представителей технических наук) моделированием.

О применимости этого метода к современной геополитологии в аспекте изучения отдельно взятых мировых регионов/субрегионов, а также о структурных уровнях моделирования в региональной геополитологии и пойдет речь в данной статье. В силу известной новизны темы ограничимся рассмотрением лишь самых общих моментов.

* * *

Итак, если говорить о тех инструментах, которые есть в руках у геополитолога, то их, в принципе, не так много, а именно: географическая карта, письменный текст (комментирующий ее), концептуально-графические модели, простейшим аналогом которых являются хорошо известные структурно-логические схемы, которые зачастую становятся хорошим подспорьем в работе исследователя. В дело идут также и количественные данные, т.е. те или иные числовые параметры и числовые соотношения. Базовым из этих инструментов является *карта* или, точнее говоря, снабженная текстом карта (карта с пояснениями). Поэтому именно работа с картой, т.е. картирование, было едва ли не основным компонентом арсенала представителей традиционной (классической) геополитологии. Но в то же время это был тот «потолок», выше которого она не поднималась. В лучшем случае они могли прибегать к «услугам» геокартоидов – чертежей, изображающих ту или иную реальную или вымышленную территорию, но изображающих ее упрощенно, без обязательного соблюдения всех правил классической картографии [см.: б]. И понятно почему: манипулируя образом обычной географической карты, традиционная (классическая) геополитология была буквально «прижата» к географически

зафиксированной территории и на этой основе путем дедукции обосновывала большинство своих понятий и постулатов. В этом, кстати, по мнению Д.Н. Замятина, состоял еще один недостаток работы ученых-«классиков», а именно – «практическое отсутствие концептуальной (когнитивной) дистанции между ключевыми географическими понятиями-образами и соответствующими им геополитическими построениями» [7].

Очень точно резюмирует эту познавательную ситуацию Д.Н. Замятин (и мы с ним полностью согласны): «Классическая геополитика, в трудах Мэхэна, Маккиндера, Челлена, Хаусхофера, использует языковые стратегии, связанные с артикулированием и интерпретацией элементов географической карты. Последняя выступает как язык геополитики, и любая геополитическая концепция складывается из карты как фундамента и письменного текста, как бы накладывающегося на картографические изображения и составляющего специфическую оболочку карты. Геополитические образы (конкретной страны или конкретного региона. – *В. Р.*) формируются в данном случае в смысловом поле, созданном взаимодействием картографических изображений и их текстовых интерпретаций» [8].

Но, как говорится, все течет... И если мы сегодня говорим о необходимости восхождения геополитологии на новый уровень развития (а это, хотя и с трудом, все же происходит), то инструментарий исследователя должен меняться, как равно должны меняться и методы/методики исследовательской работы. И они не могут не меняться, тем более в свете происходящих в мире кардинальных геополитических, а заодно с ними геоэкономических, геодивизионных и иных сдвигов. В этом плане встает вопрос о новых, *более эффективных* методах/методиках исследовательской работы, предполагающих, в частности, необходимость отрыва от процедур, делающих упор на оперирование географическими картами и/или их дериватами. Хотя и такая работа сама по себе важна, а продукты ее не прочь востребовать практики, занимающиеся вопросами геополитики (и геостратегии) государств и их политикой в области безопасности. В работе ученых начинает главенствовать манипулирование геополитическими концептами, напрямую «не завязанными на интерпретацию географической карты» (по выражению Д.Н. Замятина), или, как говорит этот же автор в другом месте своей монографии, начинается работа с «виртуальными геополитическими ансамблями (образами), рассматриваемыми как поля действия определенных политических сил. В контексте подобных геополитических ансамблей может продолжаться виртуальное бытие классических геополитических

паттернов («хартленд», «римленд» и т.п.), а также происходить их политическая актуализация (например возрождение образа «Евро-Африки»). При этом происходят явные изменения в их содержании и расширение спектра возможных значений. Глобальные классические геополитические образы – такие, как «номос Суши» и «номос Океана» К. Шмитта – также виртуализуются и подвергаются семиотической "возгонке"» [9]. Попутно заметим, что и географическая наука сегодня не стоит на месте – она также совершенствует свой инструментарий (например на пути все более активного использования технологий геоинформационных систем, или ГИС-технологий).

Что все это значит в нашем случае? Полагаем, что при сохранении таких базовых компонентов, как карта и текст, здесь происходит дальнейшее насыщение арсенала геополитологического исследования, которое выглядит как «надстраивание» над обычной географией ряда этажей. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле налицо *погружение в объект* исследования, в процессе которого возрастают степень сложности обсуждаемых вопросов и значимость получаемых в результате такой интеллектуальной работы результатов. Одновременно с этим (по идее) увеличивается организационная сложность такого рода «предприятия», а вместе с ней возрастает значимость технического обеспечения работы и, следовательно, и объем финансовых затрат на нее, расширяется круг привлекаемых к работе специалистов. По сути дела, речь идет об организации исследовательской работы по методике форсайта (особенно комплексного форсайта) – весьма популярной ныне в научном и экспертном сообществе Запада, но в последнее время привлекающей внимание и отечественных специалистов [см.: 10].

Но остаются открытыми вопросы: что же в конечном счете организует весь этот геополитологический инструментарий? Что конкретно (в качестве своеобразной «структурной рамки») придает ему стройный и системный вид? В рамках какого метода/методики все это может и должно эффективно работать? Наш ответ: таким эффективным способом познания геополитических явлений и процессов на уровне отдельно взятого мирового региона/субрегиона является работа с моделями разной степени сложности и разной масштабности, или, иначе говоря, *метод геополитического моделирования*. Именно он сегодня востребован жизнью и положением дел в самой науке, именно он в нынешних условиях может быть адекватным способом проникновения в сложные (нелинейные) системы и те процессы, которые отличаются многофакторной

комбинаторикой в условиях нарастающей нестабильности и турбулентности в международных отношениях.

Мы не будем подробно останавливаться на преимуществах метода моделирования в *общеполитологическом* плане. Для серьезных специалистов возможности моделирования как своего рода интегратора в наборе методологических средств системного анализа очевидны. К тому же этот вопрос достаточно хорошо освещен в литературе [см.: 11]. Не будем мы и «агитировать» читателя за то, чтобы он «проголосовал» за плюсы моделирования *геополитологического*... В отечественной литературе уже давно устоялось мнение, согласно которому: «Без условных конструкций, выступающих как аналог объекта исследования, становится все труднее учитывать всю гамму составляющих факторов внешнеполитического процесса, сформировать четкое представление о предмете и прогнозировать его развитие. Социально-политические и международные системы сегодня настолько сложны, обладают таким количеством взаимосвязей и петель обратной связи, что спрогнозировать их развитие на основе только интуиции и опыта становится все труднее» [12; см. также: 13].

Оговорим здесь один важный момент, а именно: с нашей точки зрения, заниматься моделированием геополитических явлений и процессов на региональном/субрегиональном уровне возможно исходя из трех *подходов* к работе, – подходов, ориентированных на разную степень сложности. Соответственно этому работу профессионального геополитолога-«региональщика» мы могли бы представить в виде трех *структурных уровней* исследования. Если говорить кратко, то их можно охарактеризовать следующим образом.

Первый уровень – базовый. На этом уровне безраздельно доминирует подход, который условно можно назвать **описательным** (или историко-описательным). Он связан с проведением преимущественно *качественного* анализа международных и региональных геополитических ситуаций. Так, например, проводится традиционный ситуационный анализ (СА). Поэтому режим исследовательской работы на этом уровне с поправкой на изучение геополитической проблематики мы могли бы назвать модификацией СА. Если использовать особый термин, то речь идет о **простом (обычном) геополитическом моделировании** (ПГМ).

Напомним в этой связи, что СА давно и успешно используется специалистами в режиме коллективного и организованного «мыследействия» при рассмотрении актуальных международных и региональных проблем с целью поиска выхода из тех ситуаций, которые угрожают миру и безопасности. При этом ситуацию мы понимаем как целостную, достаточно

динамичную и относительно самостоятельную подсистему международных отношений, а сам СА или его модификация в виде ПГМ – как особый вид публично осуществляемой экспертизы. В качестве своеобразного эталона такой работы выделим ситуационные анализы, проведенные в период с 2002 по 2004 г. в МГИМО (У) МИД РФ под руководством академика Е.М. Примакова [см.: 14], концептуальное обоснование и описание методики которых он дал два года спустя [см.: 15]. Во временном отношении ПГМ не ограничен, но он не может и не должен быть рассчитан на длительную временную перспективу, скажем, на несколько лет. Как правило, это ситуация, длящаяся относительно короткий отрезок времени (в пределах нескольких месяцев, может быть, года, максимум полутора – двух лет). СА вообще и ПГМ в частности чем-то похожи на «мгновенный анализ» – максимально быстрое, обычно в течение 24 часов экспертное реагирование на важнейшие события международной жизни, которые попадают в поле зрения лиц, принимающих важные политические решения (им широко пользуются специалисты-международники). Но путать его с первыми все же не следует [см.: 16].

И еще один важный момент. Осуществляемый в индивидуальном порядке (что бывает достаточно редко) или в ходе коллективного творчества (что практикуется значительно чаще), этот способ исследовательской работы предполагает минимальное использование рисунков, графиков, таблиц и цифр. Математическая точность здесь – вообще не самое главное, хотя, естественно, никому не возбраняется использовать математику или, скажем, ту же многомерную статистику на уровне ПГМ. В самом деле: почему бы ее не использовать, например, анализируя потенциал геополитических игроков как исходный этап СА или, если говорить шире, – их совокупную силу в мировых делах [см., например: 17]. Главными инструментами проникновения в суть геополитических процессов здесь являются опыт исследователя и его интуиция, степень ее глубины. Одновременно с этим упор делается на обычный, или повествовательный геополитический дискурс. Здесь также используются традиционные географические карты, которые помогают исследователям сориентироваться на конкретной «площадке». Преобладает работа, объясняющая сложившуюся ситуацию, и прорабатываются самые общие варианты ее исхода. Причем делается это, как правило, на принятом в кругу специалистов научном языке, т.е. максимально широко используется обычный текст. Точнее говоря, тексты, которыми эти специалисты обмениваются как своими *интерпретациями* анализируемых ими геополитических явлений и процессов. Если исследовательская работа

строится в режиме коллективного творчества, то, как правило, на этом уровне она осуществляется в режиме «мозговой атаки» или строится в соответствии с «дельфийской моделью», что предполагает тщательный отбор экспертов (особенно это требуется для работы по методу Дельф) и выделение в качестве организующего звена в ходе их общения такой фигуры, как модератор.

На втором уровне главенствует подход, который мы бы назвали **формализованным**. Это, конечно, не означает, что качественный анализ вообще исчезает из поля внимания исследователей. Вовсе нет. Просто возрастает степень точности проделываемого анализа. Справедливо заметил по этому поводу Ю.В. Тихонравов: «Применение количественных методов далеко не всегда повышает значимость результатов, напротив, "качественный" геополитический анализ в духе французской школы может быть гораздо богаче идеями, чем итоги громоздких расчетов». Говоря о значимости «качественной» методологии и отмечая новые возможности, которые открываются для исследователей при использовании так называемой игры проекциями, этот же автор подчеркивает и такой важный момент: «В последнее время, с появлением многочисленных программ построения анаморфированных изображений, возникло особое направление – геополитическое картирование, цель которого – найти адекватные пути отражения на карте мирового геополитического пространства» [18].

Мы солидарны с Ю.В. Тихонравовым в том, что касается важности использования в геополитологическом исследовании прежде всего «качественной» методологии, в том числе при изучении соответствующих явлений и процессов на региональном уровне. Мы могли бы сказать даже так: методика геополитического моделирования (речь, повторяем, идет о ПГМ) представляет собой концентрированное выражение всех тех преимуществ, которые имеет «качественный» анализ. Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день в отечественной литературе отсутствуют прецеденты целенаправленного и развернутого применения ПГМ. По крайней мере, в каком-либо целостном и развернутом виде мы до сих пор их не встречали. Если и можно говорить о каких-то «заделах» в этой области, то все они носят, по преимуществу, постановочный характер, не выходя за рамки общих рассуждений о важности такого рода методологии, в лучшем случае, демонстрируют фрагменты такого рода моделирования. Исключение составляют, пожалуй, два интересных геополитических опыта. Один принадлежит Л.Г. Казаряну (1994, совместно с С.В. Лурье) [см.: 19], который попытался произвести ПГМ при изучении так называемого Восточного вопроса, второй – Д.Н. Замятину (1998),

который попытался разработать модель геополитической ситуации, взяв в качестве эмпирической базы своего исследования проблематику Центральной Азии во второй половине XIX в., в эпоху ее освоения/покорения царской Россией [см.: 20]. Однако, как мы видим, эти попытки носят характер исторической реконструкции, а не анализа современных ситуаций (чем, собственно, и должна заниматься «наука о геополитическом»), что, естественно, говорит не в пользу вышеуказанных авторов.

С нашей точки зрения, на втором уровне геополитического моделирования главным все же становится *использование точных методов* познания, предполагающих составление карт-схем, диаграмм, таблиц, выстраивание определенной архитектуры («кристаллических решеток») конкретных сегментов геополитического пространства. Последние при этом как бы пронизываются соответствующими осями взаимодействия конкретных акторов (осями двух типов: конфронтации / конфликтности или партнерства / союзничества), обнаруживают точки сгущения такого рода взаимодействий, но самое главное, это позволяет понять международную систему или какую-либо из ее подсистем как многоярусную (когда взаимодействия организованы по принципу пирамиды) и многосферную (когда они рассматриваются как система концентрических окружностей с неким ядром по середине). Если в этом случае и можно говорить о картировании, то, разумеется, о весьма условном. Ведь здесь исследователь практически *перестает работать с территорией как таковой*, его интерес смещается в сторону изучения конфигурации того или иного сегмента мирового *геополитического пространства* и его (пространства) смысловой наполненности.

В этом, кстати сказать, еще одно указание на исчерпанность работы в режиме старой (классической) геополитологии. Хотя, с нашей точки зрения, это *тоже* картирование, только специфическое, с использованием другого геополитического языка – не письменного текста (в качестве комментария к традиционной географической карте), а языка структурно-логических схем. Иначе говоря, на этом уровне должен быть совершен переход от всего описательного, т. е. собственно географического, к работе с пространством в его абстрактно-геометрической чистоте (если угодно, к условным картам). Это ситуация, когда, например, территория государства, рассматриваемая без внутренних географических различий, превращается в точку (разного размера, сообразно весу конкретного геополитического актора на международной арене и его положению в общемировой таксономии); когда границы между государствами превращаются в

связующие эти точки линии; когда отношение одного государства к другому государству или иному актору, являющееся по сути направленным контактом, превращается в вектор различной толщины (плотным или тонким геополитическим «лучом») и разной наполненности (многоканальным или моноканальным воздействием); и т.д. Если к этому добавить еще возможности, которые сегодня дают исследователю компьютерные технологии – и в плане использования цветовой гаммы, и собственно графики, и выстраивания самых разных конфигураций «проигрываемых» геополитических ситуаций, – то можно сказать, что находящийся в распоряжении геополитолога инструментарий чрезвычайно широк. Как мы видим, важнейшим элементом его работы становится *язык*, отличный от того, которым обычно пользуются ученые, работающие в рамках историко-описательного подхода.

В свете получившей широкое развитие на Западе когнитологии – междисциплинарной области знания, зародившейся еще в 1960 г. (пионером здесь стал Гарвардский университет) и непосредственно ориентированной на процесс принятия решений и прогнозирование сложных ситуаций, – это означает перевод исследовательской работы в полностью формализованный план. Со времени Р. Аксельрода (1976) это стало называться когнитивным моделированием. Развитие же его идей в конце 1980-х гг. в виде нечетких когнитивных карт, изобретенных Б. Коско (последнее удалось ему сделать путем слияния так называемой нечеткой логики и метода системной динамики), позволило сделать еще один шаг вперед – создало базу для современных систем динамического моделирования в области финансов, политики и бизнеса. Имеется в виду метод, позволяющий исследовать эволюцию той или иной ситуации, включающей в себя такие составляющие, как саморазвитие, расчет внешних воздействий на объект с градацией таковых, моделирование целенаправленного развития ситуации (трансформации ее в нужное русло) и т.д. [см.: 21]. Основным же инструментом становятся когнитивные и (как частный момент) ментальные карты, являющиеся ничем иным, как способом представления и связывания мыслей, «образом» окружающей обстановки и своего места в ней, который имеется в голове Политика (а до этого, естественно, и Аналитика) [см.: 22]. Другой вопрос, что «образ» этот специфический – он соткан из схем и рисунков.

Работа с такого рода «образами» далеко не нова. Как указывается в литературе: «Идея использования схем и рисунков для лучшего изложения знаний не нова, но только сравнительно недавно ее стали изучать и развивать как особый метод мышления. На Западе это течение получило

название "*concept mapping*". <...> Зарождение и базовые правила *Concept Maps* разработал в 60-е гг. XX в. профессор Джозеф Новак из Корнуэллского университета (США), который, в свою очередь, исходил из теории Дэвида Озубэла, показавшего важность предшествующего опыта для формирования новых концепций. А современную реализацию связывают с методиками известного английского психолога Т. Бузана, признанного лидера в этой области (последний автор считается создателем картографии как инструмента размышления и разработчиком «интеллект-карт» – удобной техники для представления процесса мышления или структурирования информации в визуальной форме. – В.Р.)» [23].

Не оспаривая терминов «когнитивный», «когнитивное картирование» и т.д., и вполне терпимо относясь к этой популярной ныне области научного знания – когнитологии (с нашей точки зрения, здесь без моды тоже не обошлось!), терминологически мы все же предпочитаем говорить о **концептуально-графическом моделировании (КГМ)**. Хотя и в том, и в другом случае речь идет об одном и том же – о возможности графического выражения отношений между понятиями, характеризующими те или иные феномены (в нашем случае – геополитические) [см.: 24]. По сути, об этом же говорил в свое время выдающийся отечественный ученый-историк и психолог Б.Ф. Поршнев, только называл он данные «вещи» *топографическими графами* в социологии международных отношений [см.: 25; см. также: 26]. Поэтому, кстати сказать, когнитивную карту можно считать *знаково* ориентированным графом.

При таком подходе любую геополитическую ситуацию можно изобразить в виде нечеткого (все-таки геополитология – это не физика или математика, не такая точная наука, поскольку она имеет дело с объектами повышенной сложности, с большим количеством и разнообразием «переменных»!) графа с обратной связью, состоящего из узлов и взвешенных взаимосвязей (линий или дуг соединения этих узлов). Как отмечают знающие дело специалисты: «Узлы графа представляют собой понятия (концепты), которые используются для описания *главных поведенческих характеристик* (выделено нами. – В.Р.) системы. Узлы связаны между собой взвешенными дугами, представляющими причинные отношения, которые существуют между понятиями (концептами). Таким образом, можно графически представить отношения между понятиями, их взаимосвязи и степень такого влияния. Граф позволяет легко добавлять либо удалять или понятия (концепты), или взаимосвязи» [27]. В нашем случае это означает, что структура графа (повторяем: пусть и недостаточно

четкого) позволяет нам систематизировать представление об изучаемом геополитическом явлении или процессе на региональном уровне, и прежде всего систематизировать наше представление о причинных связях образующих систему акторов, и уже на этой основе отслеживать развитие того или иного геополитического региона/субрегиона, его кратко- или долгосрочные тенденции.

Переход на *третий уровень* мы связываем с выдвижением на первый план подхода, который может быть назван **квантификационным**. Соответственно, у исследователей происходит смена познавательных ориентиров, когда главной становится максима великого А.Л. Чижевского, который говорил: «Наука есть знание об "измеримом"!». В последнем случае мы, собственно говоря, и выводим геополитологию на уровень настоящей (точной) науки. Это предполагает использование всего положительного, что накоплено к настоящему времени. И не только в плане формализации, но и квантификации геополитических явлений и процессов. Ведь известно, что в геополитологии уже давно используются методы многомерной статистики, помогающие исследователям при проведении межстрановых сопоставлений, в различного рода попытках районирования мира, в анализе разнообразных и сопоставимых сведений по всем странам и регионам, при определении показателей мощи государств и т. д. Еще одна сравнительно новая область приложения количественных методов – поиск закономерных соотношений между потоками в пространстве (прежде всего потоками внешней торговли) и политической связностью региональных группировок стран, внешнеполитическими и стратегическими проблемами. Хотя, как мы полагаем, в данной области знания эти методологические «новации» имеют ограниченные возможности для применения. Одним словом, речь идет о работе с геополитическими моделями, выраженными символически, т.е. о варианте **математического моделирования**.

Конечно, не стоит забывать другую максиму, сформулированную некогда Л.Н. Гумилевым: «Слишком большое стремление к точности не полезно, а часто бывает помехой в процессе исследования. Ведь рассматривать Гималаи в микроскоп бессмысленно» [28]. Это тем более верно, если мы имеем дело с геополитологией, в которой существуют серьезные ограничители в применении точных методов (сродни естественно-научным). Все-таки это не математика, не физика и даже не биология, а дисциплина, «прописанная» по ведомству социально-гуманитарных дисциплин. И тут уж никуда не деться – такова специфика изучаемых ею феноменов, что заставляет специалистов разрабатывать и

использовать все более совершенные методологические процедуры, в частности на путях моделирования. Поэтому, моделируя сложные системы (а интересующие нас объекты именно таковы!), мы можем столкнуться с реальными трудностями, которые связаны с представлением тех или иных факторов в числовой форме. Некоторые из них по определению не поддаются такого рода «оцифровке». Скажем: как можно отразить математически проблематику, охватываемую тем, что определяется в качестве *второго ракурса геополитологии* (особенно в рамках такого рода блока проблем, которые В.Л. Цымбурский, в отличие от геостратегии, называл геополитической имажинацией)? Ведь здесь, как мы знаем, рассматриваются такие тончайшие материи, как трансформация «образов мира/региона/страны», «ценностей» и «ресурсов» в «интересы» и «возможности государства», а из сочетания последних рождаются конкретные политические «цели»; анализируется то, как по запросу со стороны блока уже намеченных «целей» из блока «возможности государства» и еще более раннего блока – «поведенческих схем» создаются «сценарии действий» на конкретных площадках мирового геопространства [см.: 29]. И в самом деле: как?

Одним словом, здесь важна исходная база, моменты, касающиеся содержания, сути дела. Как писал в свое время Ф.А. Шродт: «Всегда важно помнить, что математика эффективна только как средство получения логических выводов из исходных допущений, а отсюда и валидность модели зависит не от математического аппарата, а от самих этих допущений. Бывают случаи, когда для успешного применения той ли иной мощной методики необходимо упростить исходные допущения, но даже подобное упрощение должно проходить проверку практикой и здравым смыслом» [30]. Иначе говоря, важно учитывать, кто и как этим занимается, т.е. важен потенциал самого исследователя, наличие у него необходимой для работы проверенной и точной информации. Как указывает Э.Н. Ожиганов: «Оценка значений показателей или факторов, выбранных для характеристики элементов, входящих в систему, является делом экспертов, суждения которых могут быть формализованы с помощью и в пределах определенных шкал». Поэтому, полагает он, «приемы формализации и математический аппарат, сколь сложными они ни были, не помогут аналитику, если он не обладает соответствующей подготовкой в предметных областях науки и не ощущает своей принадлежности к определенной научной традиции» [31].

Это с одной стороны. С другой – нельзя не признать, что в области социально-гуманитарных наук давно существует потребность в

использовании математических методов и процедур в чистом виде или, по крайней мере, в каком-то упорядочении этих дисциплин, придании им стройности и точности. Как выразился однажды один из корифеев отечественной международно-политической науки, разработчик оригинальной методики матричного анализа международных ситуаций проф. М.А. Хрусталева, смысл в том, «чтобы сделать общественные науки, если и не адекватными естественным, то хотя бы более строгими» [32]. Поэтому все, что *можно* посчитать, *должно* быть посчитано, и там, где *необходимы* точные корреляции между собранными и количественно выраженными фактами, *следует* прибегнуть к квантификации. Исходя из этих соображений, можно говорить о возможности/целесообразности использования в региональной геополитологии математических моделей.

На этой основе следует всерьез заняться проигрыванием самых разных (из числа возможных) геополитических ситуаций, т.е. прибегнуть к **имитационному моделированию**, без которого очень трудно работать в режиме прогностики. Данный момент чрезвычайно важен, поскольку моделирование позволяет (пользуясь специальным способом компактной подачи информации) не только отображать всю совокупность элементов и связей игроков, вовлеченных в ту или иную геополитическую или – шире – международную ситуацию, но и «проигрывать» различные варианты ее исхода, по возможности «взвешивая» их вероятность. Если же к этому добавляются методы формализации и особенно квантификации, то шансы на успех у исследователя резко увеличиваются. Верно замечено И.Г. Тюлиным и А.С. Кожемяковым: «Такие системные модели (речь идет о математических методах. – *В.Р.*) являются перспективными средствами решения наиболее сложных прогностических задач в области международных отношений. Они открывают путь к методам имитации, т.е. процедурам, посредством которых человек оценивает результаты решения, изменяет входные данные параметры модели, иначе говоря, перебирает варианты и альтернативы» [33].

Все сказанное выше – это, скорее, желаемое, нежели действительное; это такое положение дел, каким оно видится нам в идеале. По крайней мере, для нас вполне очевидно, что активное внедрение в практику исследований геополитических явлений и процессов такого рода методик/методов, и, соответственно, форсированная разработка методологических оснований этой работы становится одним из путей повышения наукоемкости самой геополитологической науки, одной из тех реальных возможностей, которые позволят ей в обозримом будущем преодолеть затянувшийся процесс оформления в полноценную научную

дисциплину. У нас есть уверенность в том, что это достаточно серьезный инструментарий для анализа геополитической динамики, на каком бы уровне мировой системы он ни производился: субрегиональном, собственно региональном, макрорегиональном или просто ситуативном. Более того, с рядом уточнений и спецификаций он может быть применен и к анализу внутригосударственных процессов, но лишь в том случае, если мы рассматриваем их в аспекте так называемой внутренней геополитики в духе И. Лакоста (редактора известного французского журнала «Геродот»).

Увы, пока реальность суть такова, что многие построения современных специалистов, работающих в области геополитологии, расходятся с реальностью. Иные из них вообще отличаются крайней эклектичностью и размытостью, склонностью к абсолютизации влияния какого-либо одного фактора (или группы таковых) на внешнюю политику государств, сводятся к упрощению ситуаций, стремятся заимствовать из смежных наук новомодные теории и концепции. Здесь уместно вспомнить, каким было положение дел в данной науке на рубеже 70–80-х гг. прошлого века, когда очень популярными были «гуманистические», бихевиористские и экзистенциальные трактовки, основывавшиеся на объяснении внешней политики государств и – шире – ведения международных дел другими акторами мировой политической сцены с географической средой через призму того, как их воспринимают конкретные политические деятели с их жизненным опытом, особенностями мироощущения, психологическим складом и т.д. [см.: 34]. Но при этом надо исходить и из того, что методы геополитологического освоения действительности и применяемые для этого методики чрезвычайно разнообразны в принципе.

Учитывая то обстоятельство, что геополитология (в отличие, например, от истории) имеет дело с *длящимися* процессами, которые часто *меняют* свою *направленность* и усилиями политических игроков на сравнительно неизменных географических «площадках» создают порой *сложные комбинации*, ее важной задачей становится повышение операционности, т.е. умение быстро и точно анализировать конкретные ситуации, складывающиеся в данный момент времени, для нужд политической практики и на этой основе прогнозировать дальнейшее развитие событий. Это актуализирует вопрос о разработке применительно к анализу геополитических явлений и процессов на региональном уровне арсенала всех трех методик: описания, формализации и квантификации.

Однако здесь есть один нюанс: если работа на первом уровне геополитологического исследования серьезным специалистам в общем-то хорошо известна и не составляет для них особого труда, то о работе на

третьем уровне пока этого не скажешь. До создания прецедентов с использованием математических моделей геополитических процессов еще далеко. И будут они вообще созданы – это вопрос... Но вот что касается второго уровня исследовательской работы – использования возможностей КГМ, то полагаем, что здесь есть все предпосылки для ее скорейшего развертывания. Вещь эта важная и чрезвычайно нужная для практиков – всех тех, кто занимается внешнеполитическими вопросами и политикой безопасности.

Здесь возникает один далеко нериторический вопрос: как же конкретно следует применять метод концептуально-графического (или когнитивного) моделирования? Ведь мировое геополитическое пространство было и остается весьма неоднородным, более того, в условиях усиливающейся глокализации эта неоднородность только возрастает. Поэтому одно дело изучать геополитические регионы, отличающиеся более или менее стабильным состоянием и позитивной динамикой, беря на вооружение структурную рамку «устойчивого развития»; другое дело, когда мы сталкиваемся с их противоположностью – с такими сегментами мирового геополитического пространства, которые далеки от состояния динамического равновесия, являя собой абсолютно нестабильные среды и которые поэтому могут/должны рассматриваться в конфликтологической парадигме, а то и шире – в аспекте проблемы миро-системного регулирования. При этом ясно, что работа с концептуально-графическими (когнитивными) моделями в режиме конфликтологической парадигмы много сложнее, чем выполнение первой задачи.

Так или иначе, но ответ на эти вопросы мы не получим, пока не разберемся в том, какие вообще бывают геополитические регионы, т.е. не проведем их типологизацию. Однако эта задача уже выходит за рамки данной статьи.

Литература:

1. Авксентьев В.А., Дмитриев А.В. Конфликтология: базовые концепты и региональные модели. – М., 2009. – С. 31-32.
2. Макарычев А.С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука / ИНИОН РАН. – 2003. – № 3. – С. 22-23.
3. Соловьев Э.Г. Геополитический анализ международных проблем современности: pro et contra // ПОЛИС. – 2001. – № 6. – С. 124, 128.
4. Туровский Р.Ф. Политическая география: Учебное пособие. – М.; Смоленск, 1999. – С. 62.
5. Соловьев Э.Г. Указ. раб. – С. 124, 128.

6. Родоман Б.Б. Научные географические картоиды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geo-vestnik.psu.ru/files/vest/203_rodoman.pdf
7. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М., 2004. – С. 76.
8. Там же. – С. 94.
9. Там же. – С. 77.
10. Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М.; СПб., 2009. – С. 27-28.
11. Шабров О.Ф. Системный подход и компьютерное моделирование в политологическом исследовании // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 2; Плотинский Ю.М. Моделирование социальных процессов. – М., 2001; Боришполец К.П. Методы политических исследований: Учебное пособие. – М., 2005; Ожиганов Э.Н. Моделирование и анализ политических процессов. – М., 2009.
12. Тюлин И.Г., Кожемяков А.С. Некоторые вопросы методологии научного прогнозирования внешней политики и международных отношений // *Аналитические методы в исследовании международных отношений: сборник научных трудов / под ред. И.Г. Тюлина, А.С. Кожемякова, М.А. Хрусталева*. – М., 1982. – С. 20-21.
13. Хрусталева М.А. Системное моделирование международных отношений. – М., 1987; Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений / под ред. И.Г. Тюлина. – М., 1991; Тихомиров В.Б., Тихомирова И.В. Политическая обстановка в стране и вокруг нее. – М., 1992; Боришполец К. Методы, методики и процедуры прикладного анализа международных отношений // *Международные отношения: социологические подходы / под ред. П.А. Цыганкова*. – М., 1998.
14. Ближний Восток: принуждение к миру. Урегулирование невозможно без давления извне // *Россия в глобальной политике*. – 2002 (нояб. – дек.). – Т. 1. – № 1; Иран: что дальше? Ситуационный анализ (руководитель Евгений Примаков) // *Россия в глобальной политике*. – 2003 (апр. – июнь). – Т. 1. – № 2. – 2003; Ядерная программа Северной Кореи: перспективы развития // *Россия в глобальной политике*. – 2004 (январь – февраль). – Т. 2. № 1; Иракский кризис и перспективы урегулирования. Ситуационный анализ (руководитель Евгений Примаков) // *Россия в глобальной политике*. – 2004 (май – июнь). – Т. 2. – № 3.
15. Примаков Е.М., Хрусталева М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. Вып. 1. – М., 2006; Примаков Е.М. Методика и результаты ситуационных анализов: мастер-класс по программе «Мировая политика» / МГИМО МИД РФ. – М., 2006.
16. Колобов О.А., Корнилов А.А., Макарычев А.С., Сергунин А.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. – Нижний Новгород, 1992. – С. 142.
17. Полуниин Ю.А., Тимофеев И.Н. Классификация стран мира с использованием методов многомерного статистического анализа // *Политическая наука / ИНИОН РАН*. – 2007. – № 3.
18. Тихонравов Ю.В. Геополитика. – М., 1998. – С. 32, 33.
19. Лурье С.В., Казарян Л.Г. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 4.

20. Замятин Д.Н. Моделирование геополитических ситуаций (на примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // ПОЛИС. – 1998. – № 2, 3.
21. Горелова Г.В., Захарова Е.Н., Гинис Л.А. Когнитивный анализ и моделирование устойчивого развития социально-экономических систем. – Ростов н/Д, 2005. – С. 77-78.
22. Axelrod R. The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites. – Princeton, 1976; Maps in Mind: Reflections on Cognitive Mapping / Ed. by R.M. Downs and D. Stea. – N.Y., 1977; Gould P., White R. Mental Maps. 2nd ed. – Boston, 1986.
23. Горелова Г.В., Захарова Е.Н., Гинис Л.А. Указ. соч. – С. 81.
24. Мехряков В.Д., Пух В.И. Творческое наследие А.А. Богданова: формирование языка концептуально-графического моделирования механизмов динамики глобальных и локальных социальных систем и процессов // Тектологический альманах. Вып. 1: Труды Международной научной конференции «Тектология в XXI веке». – М., 2000.
25. Поршнева Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века. – М., 1970. – С. 36 – 42.
26. Емеличев В.А., Мельников О.И., Сорванов В.И., Тышкевич Р.И. Лекции по теории графов. – М., 1990.
27. Горелова Г.В., Захарова Е.Н., Гинис Л.А. Указ. соч. – С. 244.
28. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. – М., 2001. – С. 41.
29. Цымбурский В.Л. Введение. Speak, Memory! // В его кн.: Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. – М., 2011. – С. 24.
30. Шродт Ф.А. Математическое моделирование // Дж.Б. Мангейм, Р.К. Рич. Политология. Методы исследования / пер. с англ. – М., 1997. – С. 497.
31. Ожиганов Э.Н. Моделирование и анализ политических процессов. – М., 2009. – С. 42, 22.
32. Две ветви теории международных отношений в России (беседа А.Д. Богатурова с М.А. Хрусталевым). 20 июня 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/010.htm>
33. Тюлин И.Г., Кожемяков А.С. Указ. раб. – С. 23.
34. Тихонравов Ю.В. Указ. соч. – С. 32, 33.

